

Игорь Шестков

РУССКОЕ ПОРНО

Не раз зарекался – не вспоминать больше советскую жизнь. Достаточно уже навспоминался. В письменном виде. Штук шестьдесят рассказов настриг из этих воспоминаний. Хватит, обрыдло. Жестокая и абсурдная планета моей юности исчезла. Точнее, постепенно мутировала в «путинскую Россию». И процесс этот начался еще до моего отъезда из страны.

Добрые и умные мои современники давно разъехались по всему миру и сгинули, а не уехавшие – умерли или изменились вместе с страной. Говорить с ними стало невозможно.

Но память тянет и тянет обратно... в то время.

Потому что главную загадку прошлого – как оно вообще было возможно, такое – я так и не разгадал в моих шестидесяти рассказах.

Каждый раз, когда принимаюсь писать о жизни в СССР, мне кажется, что вот, расскажу еще одну историю, и наконец пойму, осознаю вместе с читателем – что же тогда на самом деле происходило со всеми нами...

И каждый раз, ставя последнюю точку, я вынужден признать, что и этот художественный эксперимент не помог мне понять суть того

существования, объяснить его, ухватить за хвост главное. Что мне, в лучшем случае, удалось уловить... несколько маленьких рыбешек. А главная, большая-большая рыба уплыла, легко обойдя мои сети, и погрузилась в бессознательную, безумную глубину хтонического океана, где ее не сыскать никакими сонарами. Что метафизический пазл, который я составляю всю мою жизнь, так и не обрел образ и сюжет и остался стеной с ничего не значащими фрагментами навсегда исчезнувшей фрески.

...

Да, память – это хитрая машина (машина времени). И своенравная. Приказать ей что-либо невозможно. И попросить ее нельзя. Начнешь приказывать или просить – все сделает наоборот. Затопит мозги воспоминаниями, как затопляет сейчас рейнская водичка подвалы в Кёльне и Дюссельдорфе.

И после этого потопа в голове, также как и в подвалах после наводнения настоящего, водяного, остается только грязь, сломанные отопительные приборы и вымокшая, ни на что не годная, мебель. Разруха.

Написал недавно рассказ «Синие пятна», главный герой которого, Паша, мечтает о том, что убьет отца Александра Меня. Потому что его жена, Липа, влюбилась в Меня и возмечтала родить от него Спасителя мира. В результате... Паша Меня не убил,

его убили другие, гораздо более страшные, чем он, люди, Липа не стала Богородицей, а мир так никто и не спас.

Кстати, у священника Меня есть сын, который Иисусом Христом не стал, а наоборот – заделался министром путинского правительства. Но отец за сына не отвечает.

Когда писал «Синие пятна» – изо всех сил старался вспомнить Меня в Сретенской церкви в Малой Деревне. Потому что я там был, мед пиво пил. Году в восемьдесят восьмом.

Так и не смог вспомнить. Как отрезало. Даже интерьер этой церкви позабыл. Зато вспомнил то, что не хотел вспоминать. Одну дикую историю.

Нашел недавно в мировой паутине современную цветную фотографию внутреннего убранства церкви Сретенья. Как же там сейчас все пестро и русопято! Ладненько и сладенько. Китч. А сама церковь – желтенькая как цыпленок, в пору ее оципывать и жарить. Неужели и при Мене так было?

Забыл.

Галич пел про этот храм – «тот единственный дом, где с куполом синим не властно соперничать небо». Пел так про эти жиденькие купола? Про эту лакированную матрешку для суеверных бабок?

Память, память, что ты делаешь со мной!

Ни Меня в церкви, ни саму его церковь вспомнить не смог, а Папу, Липу и еще одну его

почитательницу, упомянутую в рассказе, помню прекрасно. Хорошо помню и еще одну женщину, Ритку, тоже влюбленную в Меня. Мать троих детей. Измученную советским бытом даму без передних зубов. Помню ее мужа Цыпу, человека невероятного невезения. Помню и то, что с ними случилось.

Ну что же... Рассказал о Паше и Липе, теперь придется рассказывать о Ритке и Цыпе. Бабка за дедку, дедка за репку...

Вы уж извините, господа, речь в этом рассказе пойдет об очень неприличных вещах. О том, о чем мужчина чаще всего думает, но меньше всего говорит в «приличном обществе», а если и говорит, то врёт безбожно.

...

Да, тридцативосьмилетняя Ритка тоже была влюблена в Меня, но не так, как Липа.

Рожать от него детей она не собиралась, даже не думала ни о чем подобном. Боюсь, она не стала бы с ним заниматься любовью, даже если бы – чем черт не шутит – вступила с ним в законный брак.

Ее любовь к отцу Александру была платонической. Полагаю, она строго отделяла тело священника от его слов, человека от логоса. Влюблена она была – в его слова. В их звучание, в глубокие мысли, открывающие тяжелые створки несгорающего шкафа души, в котором хранятся полузабытые культурные архетипы человечества, в превосходный литературный стиль. Полагаю, что

его телесность, его биологическое тело – смущало ее. Ритка была влюблена не в Александра Меня, а – еще до его смерти и канонизации – в его говорящую трехмерную икону, в его голограмму, в его образ, в его астральную проекцию. Формулируя современным языком – в Меня виртуального. Еще не запертого на красочном слое иконы и не встроенного в акафист.

...

Бедняжка Ритка была асексуальна не только «по отношению к Меню»...

Усталые и сопревшие за пятнадцать лет неудачной семейной жизни ее чресла, – не знаю отчего, от плохой ли наследственности, отец был шофером-алкоголиком, мать кассиршей в консерватории, ожиревшей и выжившей из ума сварливой теткой, или от недостаточного питания в детстве, или от скверной экологической обстановки в районе, в котором они жили (вечно там невыносимо воняло чем-то химическим), или еще от чего, – не были, как ей казалось, способны ни на какую чувственность. Кожа ее была цвета яичной скорлупы. Глаза – давно потухли. Что-то было в них от мучениц на старой испанской живописи.

Единственное, чего ей страстно хотелось – чтобы все оставили ее в покое. И она могла бы почитать «Сына Человеческого». Или поехать в церковь без визжащих детей и спокойно помолиться, исповедаться и причаститься.

Но в покое ее не оставляли. Муж, дети, соседи, родственники, партия и правительство.

...

С огромным трудом терпела Ритка еженощные вспышки козлиной похоти, заставлявшие ее прихрамывающего с детства, сутулого, плюгавого, с гадкими клоками рыжей шерсти на ляжках и с лиловым лишаем на груди, мужа, бросаться на нее, проникать в нее скрюченным, как у свиньи, членом и трясти ее до наступления одностороннего, не приносящего настоящего мужского удовольствия, оргазма.

Во время половых сношений ей было стыдно, больно и неприятно. Сперма Цыпы, которую он после рождения их третьей девочки, начал выпрыскивать на втянутый, морщинистый, изуродованный родами живот жены (по другому предохраняться они не умели), вызывала у Ритки отвращение... может быть из-за ее фиолетового цвета, или из-за запаха – пахла она подгнившей капустой и кроликами.

Но она терпела.

Жена все-таки. Обвенчана по христианскому обряду. Венчал Мень. Стояла под венцом, а думала только о словах отца Александра. О разделении любви на духовную, глубокую, и после смерти существующую, как у старосветских помещиков, и физическую, преходящую, гормональную. И прекрасно осознавала уже тогда, что не испытывает к

своему жениху ни того, ни другого. И никто ей не поможет, ни Святой дух, ни Сатана. А замуж выходит только потому, что «так делают все», что «надоело быть одной», что невозможно больше жить с этой страшной женщиной (матерью), а у жениха – две комнаты в коммуналке, оставшиеся от родителей... и человек он вроде бы неплохой, церковный, и ее любит.

...

Цыпу же очевидная бесчувственность его жены не остужала, а наоборот, – вдохновляла на эротические подвиги. Даже помогала ему, как туман, заволакивающий реальность, не замечать гримасы боли и отвращения на некрасивом лице Ритки, дурного запаха от ее подолгу не мытого тела, не обращать внимания на ее отвислые груди, черные кудрявые волосики под мышками и некрасивые кривые ноги.

Почему Ритка редко мылась? Потому что у бедной женщины не было времени ни на ванну, ни на душ. Назойливые, приставучие дети не давали матери расслабиться, постоянно висли у нее на плечах, что-то требовали, плакали, даже царапали и били несчастную маленькими твердыми как грецкие орехи кулачками. Их нужно было постоянно кормить, мыть, чистить, успокаивать, куда-то вести, забирать...

Воспитывать детей ей никто не помогал. Зато все от нее постоянно что-то требовали.

...

Старший жены на восемь лет Цыпа принадлежал к редкой группе непьющих советских мужчин. Выдающихся талантов у него не было. Не было любимого дела. Образованием Цыпа похвастаться не мог — закончил восемь классов десятилетки в районе Шоссе Энтузиастов и ремесленное училище. С детьми Цыпа играл конечно, минут по десять в день, но больше не выдерживал, зверел... иногда бил их. Радости они ему не доставляли. В театр или музей он не ходил. Жили они с Риткой в страшной бедности...

Работал Цыпа в одной из московских церквей на окраине — чтецом. Читал он по-старославянски хорошо, четко и рельефно, но пел неважно.

А я там одно время выполнял за небольшие гонорары кое какие работы. Очищал от вековой грязи иконы и оклады, заменял электропроводку в алтаре. Познакомился с Цыпой, который объяснял мне, что же на самом деле хотел от меня священник, не способный на внятную ясную речь. Я был за это Цыпе благодарен и пытался отплатить ему добром за добро, покупал ему несколько раз, используя старые знакомства, гречку, сгущенку, копченую колбасу и конфеты для детей. Стараясь не ухмыляться, выслушивал его сбивчивые рассказы о интимной жизни.

...

Бедный Цыпа! Ему тоже, как и его жене, ничего не приносило радости.

Только секс. С Риткой и с самим собой. Потому что Ритки ему не хватало.

Эротические фантазии владели им безраздельно. С детства.

Некоторыми из них он со мною делился. Просил совета. Что я ему мог сказать? В этих делах – каждый за себя.

Ничего особенного. Толстые немолодые женщины. Обвязанные веревками груди, порка, удушение. Умеренный садизм.

Удовлетворить свои желания с продажными женщинами Цыпа не мог. Денег не было. Не было в Совдепии и проституток «его профиля».

Может быть поэтому Цыпе страстно хотелось наслаждаться хотя бы садистской порнографией. Но и порнография, да еще такая, особенная, была в СССР практически недоступна.

Порноснимков и порножурналов у Цыпы не было, зато был фотоаппарат Зенит-В с Гелиосом и старенький фотоувеличитель. И Цыпа решил изготовить порно сам. А в качестве моделей использовать для начала себя и свою жену. Цыпа был убежден, что слабохарактерная Ритка поартачится и согласится... купил для связывания и порки толстую бельевую веревку и несколько ремней...

После этого первого опыта, он планировал пригласить к себе домой дюжину своих знакомых

разного пола, напоить всех до поросячьего визга и уговорить предаться свальному греху. Цыпа страстно хотел заснять массовое совокупление, порку и связывание женщин на пленку. Где-то впереди в его ошалелой голове маячили подобные сцены с участием детей... с кровосмешением и удушением.

Как он представлял себе все это осуществить на деле – для меня загадка.

И для него это тоже было загадкой, но сама бредовость всей этой затеи почему-то не отпугивала Цыпу, а порождала в его воспаленных мозгах новые, удивительные картины... порочные и заманчивые...

Смелость города берет.

...

Выполнение первой части своего плана Цыпа начал с того, что отвез детей на два дня к неохотно согласившейся на роль бэбиситтера теще, а сам занялся уборкой двух их комнат в коммунальной квартире, в которой жили кроме него, Ритки и троих их девочек еще две семьи, с двумя черными пуделями, кошками, хомяками и совой, но бездетные.

Особенно долго и тщательно чистил спальню, стены и пол которой заросли какой-то серой жирной гадостью. Сменил белье на их двуспальной кровати. Приготовил полотенца, веревки, ремни. В углы спальни поставил взятые напрокат у знакомого маляра двухсотваттовые лампы на треногах. Уста-

новил их так, чтобы свет они бросали вверх, на потолок, не слепили. Вставил пленку в свой Зенит, привинтил его к штативу... и только после этого понял, что для съемки его совокупления с женой необходим кто-то, кто будет работать с экспонометром, устанавливать резкость, следить за тем, чтобы в кадр попали руки и ноги, и главное – нажимать на спуск. Фотограф. Или, по крайней мере, человек, знающий фотодело. И еще – не стукач и не болтун.

Где же достать такого?

Цыпа начал обзванивать друзей и знакомых.

В своей совковой наивности он не понимал, что о таких вещах нельзя говорить по телефону. Люди, с которыми он разговаривал, после окончания разговора трубку не вешали, а набирали другой номер. Лучшего друга. А потом – еще одного. Или подруги. Или... И жадно делились новостью. Хотя и клятвенно обещали Цыпе «никому не рассказывать».

Через два часа множество людей знало, что Цыпа решил изготовить порнографические фотографии. И какие. Да еще и с собственной женой. И милиция знала, и КГБ и даже гнивший поп в церкви знал и уже думал о том, кто заменит ему чтеца.

Помогать Цыпе никто не соглашался. От страха, иногда и из-за брезгливости, а чаще всего – просто от нежелания делать что-либо для других людей. Даже для хохмы.

Звонил Цыпа и мне и получил категорический отказ. В ответ на его предложение поснимать его секс со связанной Риткой — во мне вдруг зашевелился, а потом и показал свою дьявольскую мину демон сладострастья, похожий на человека-бабочку. Один из семидесяти семи. И я испугался не предложения Цыпы, а именно этого демона, и бросил трубку. Захлопнул крышку ящика Пандоры до того, как из него вылетело косматое и хвостатое воинство.

И тем не менее один знакомый Цыпы, не молодой уже человек, которого звали Валидолом, согласился поработать фотографом, но поставил одно условие...

Цыпа согласился, не задумываясь о последствиях.

...

Вечером следующего дня усталая Ритка вернулась домой после суточного дежурства из больницы, где подрабатывала нянечкой.

Дома ее ждал сюрприз. Дети были у ее матери. В спальне царил зловещий порядок... Недалеко от кровати стоял штатив с фотоаппаратом.

А во второй их комнате, выполнявшей роль детской и гостиной, на их семейном диване сидел, развалившись, с дымящейся сигаретой в одной руке и рюмкой водки в другой старик Валидол. В нечистой обуви. С наколками на пальцах и желтоватой лысиной. Увидев вошедшую Ритку, Валидол приподнялся с дивана и галантно поклонился. Как-

то особенно, с претензией, дернул шеей и повел плечами, приподнял рюмку и провозгласил: За здоровье прекрасных дам!

Явился Цыпа с распространяющей вокруг себя зловоние сковородкой. В сковородке скворчала жареная колбаса по два двадцать, залитая тремя яйцами, желтки которых были покрыты сморщившейся белой пленкой.

За ужином Цыпа и Валидол выпили бутылку водки и половину бутылки белого вина «Аг-Суфре», оставшуюся от предыдущей попойки. Ритка, чующая неладное, к спиртному не прикоснулась.

Цыпа вначале волновался, но за водкой, вином и колбасой успокоился, а в конце ужина наклюкался и плел всякую ерунду. Рассказывал что-то о парашютистах и собаках-поводырях.

Валидол же, хотя и выпил не меньше Цыпы, не опьянел. Разговор о поводырях он поддерживал только из вежливости, а сам все с большим интересом смотрел на ежащуюся под его колючими взглядами Ритку. Показал фокус – налил в рюмку вино как бы не из бутылки, а из собственного большого пальца. Цыпа фокус не оценил, потому что лыка не вязал, а обеспокоенная Ритка на пальцы Валидола и не смотрела.

Встали из-за стола. Покачивающийся Цыпа вдруг объявил сладким пьяным голосом: А теперь детки, попрошу вас в кроватку!

Посмотрел на жену масляными глазами и потянул ее за собой в спальню. Валидол уже был там и хлопотал у камеры.

Ритка не выдержала, выпалила Цыпе в лицо: Ты что это задумал?

– Хочу сделать несколько фото... Не беспокойся, Риточка, ничего страшного... не волнуйся, раздевайся и ложись!

– Каких фотографий?

– Таких. Ты ляжешь в постельку... со мной, а Валидольчик нас сфоткает. Он свое дело знает! Он еще Днепрогэс фотографировал.

– Ты что ошалел? Какой Днепрогэс? Не буду я раздеваться при чужом мужчине!

– Ну, миленькая, Рриточка... ну что ты расстроилась? Я ведь твой муж... законный и едино... утробный... мы не будем делать чего-нибудь того... я пакостей не уважаю! Просто полюбим друг друга... как завещал великий Ленин. Пусть всегда буудет солнце!

– А веревки зачем? И ремни?

– Ах, это мелочи, чепуха. Я свяжу тебя... и несколько раз ударю... не больно! Только, чтобы любовь была покрепче и соленькой.

– Соленькой?!

Ритка наконец поняла, что задумал ее муж, присела на стул и беспомощно заплакала. Без слез. Так наверное плачут мертвые.

Цыпа тем временем разделся и лег в кровать. Решил потренироваться – принял позу миссионера, потом лег на спину, повернулся на бок. Попробовал веревку на разрыв, несколько раз хлестнул ремешком матрац. А потом... зевнул... свернулся калачиком, укрылся верблюжьим одеялом и захрапел.

...

Валидол, убедившись, что Цыпа спит, подошел к Ритке, нежно погладил ее своей татуированной лапой по голове и проговорил вельветовым голосом: Обещаю вам на вас не смотреть, ни разочка на вас не взгляну... только композицию буду проверять и освещение... от вашего тела буду отводить глаза. Прошу вас, не стесняйтесь. Представьте себе, что меня нет. Я не человек, а привидение... смотрите, уже пропал.

Валидол спрятался в тень от книжного шкафа и действительно как будто исчез.

Потом появился... с загадочным выражением лица, как фокусник на сцене театра, и вдруг подал Ритке маленькую шоколадку. В форме солнышка с лучами.

И Ритка, загипнотизированная его вежливостью, развернула трясущимися, стертыми от постоянной стирки пальцами огненно-красную фольгу и машинально положила сладкое в рот. Медленно прожевала шоколад, глубоко вздохнула... и уронила голову на грудь. Уснула! Как пациент под наркозом.

Валидол предвидел, как подействует шоколадка с кустарно изготовленным лауданумом на женский организм. Он погасил ненужные лампы, быстро разделся, раздел и перенес Ритку на кровать. Осторожно вставил ей в рот кляп, раздвинул бедра и ловко связал ее руки и ноги бельевой веревкой. Перевязал и ее маленькие груди.

С дрожащими от страсти руками порол ее минут десять ремнем от груди и ниже. После этого совокупился с ней. Ритка очнулась во время порки, но кричать не могла из-за кляпа.

*****

После второй порки и нового совокупления Валидолу неожиданно стало плохо с сердцем. Он умер прямо во время оргазма. А через несколько секунд после его смерти кончила Ритка. Первый раз в жизни. Сладкие судороги били ее долго...

Цыпа так и не проснулся.

В три часа ночи к ним пришла милиция с понятными, делать обыск. Дверь в спальню не была заперта.

Милиция обнаружила на двуспальной кровати троих человек. Двоих мужчин и одну связанную женщину с кляпом во рту и в кровоподтеках.

Один мужчина был мертв, другой – пьян.

Женщина лежала неподвижно, смотрела в потолок счастливыми глазами и улыбалась.